

Глушковски М. 2010. *Функционирование старообрядческого говора в Польше на примере одного идиолекта* – „Die Welt der Slaven” LV, 2010, ISSN 0043-2520, s. 312-333

Михал Глушковски, Университет Николая Коперника, Торунь (Польша)
Michał Głuszkowski, Nicolaus Copernicus University, Toruń (Poland)
e-mail: micglu@umk.pl

Функционирование старообрядческого говора в Польше на примере одного идиолекта

Хотя первые старообрядцы появились на землях Речипосполитой скоро после раскола ещё в XVII веке, то на территории, находящейся в пределах современной Польши, они прибыли лишь спустя сто лет. В настоящее время диаспора старообрядцев в сувальско-августовском регионе (северо-восточная Польша) составляет не более 800 человек¹. Главными пунктами поселения являются города Сувалки (Suwałki, около 300 ч.) и Августов (Augustów, около 100 ч.), а также находящиеся около 12 км от Августова две расположенные рядом деревни Габове Гронды (Gabowe Grądy) и Бур (Bór), практически полностью заселенные старообрядцами (около 150 ч.). После Второй Мировой Войны статус старообрядческой имела также деревня Водзилки, но в начале XXI столетия она практически исчезла. Кроме того, единичные семьи живут также в других деревнях региона, в которых еще несколько десятков лет тому назад старообрядцы составляли значимую или даже исключительную часть населения: Буда Руска (Buda Ruska), Глушин (Głuszyn), Шуры (Szury), Липняк (Lipniak), Липина (Lipina), Штабинки (Sztabinki), Голны Вольмера (Hołny Wolmera), Близна (Blizna) и Стренковизна (Strękówizna), а также г. Сейны (Sejny).

Мигрируя в Польшу из-за религиозных и политических преследований, старообрядцы принесли с собой не только вероисповедование, но и традиции, культуру, а также язык – средневеликорусский диалект, который на протяжении нескольких сот лет на чужбине был их основным средством коммуникации. Несмотря на проживание в польском языковом окружении до начала XX века многие старообрядцы, особенно женщины, были одноязычными, так как из-за ограниченных контактов с внешним миром они не нуждались в знании польского языка (Гжибовский, Глушковский 2008, 204), так как находились в пределах Российской Империи и не теряли связи со старообрядческими общинами на территории Беларуси и стран Балтии. После окончания Первой Мировой Войны, когда восстановилось независимое польское государство, социальная и политическая ситуация старообрядцев изменилась; дети

---

¹ Существует также небольшая община старообрядцев в Мазурском регионе (около 40 человек).

стали ходить в польскую школу, а взрослые общаться с польской администрацией. Диалект польских старообрядцев стал островным говором².

Определением языковой родины старообрядцев сувальско-августовского региона занималась И. Грек-Пабис. Еще в 1950 и 1960 гг. она нашла в их языке многие фонетические, морфологические и синтаксические черты средневеликорусских говоров окрестностей Пскова, Новгорода и Великих Лук (Grek-Pabisowa 1968, 55-56; 69-70; 104; 158). По ее мнению старообрядческий диалект долгие годы находился в ситуации островного, но без конкретной датировки (Grek-Pabisowa 1999b, 69-70).

Серьезные изменения социальной, экономической, политической и языковой ситуации польских старообрядцев связаны со Второй Мировой Войной и ее последствиями. Согласно Пакту Молотов-Риббентроп³, города Сувалки и Сейны с окрестностями вошли в состав Рейха, в то время как их земляки из Августова, Габовых Грондов и Бур – в состав СССР. В 1941 по соглашению между Гитлером и Сталиным совершился обмен населения, в рамках которого старообрядцы с немецкой территории были переселены в Литовскую ССР (Барановский, Поташенко 2005, 305; 308-309). Многие из них уже там остались, что является главной причиной сокращения старообрядческого населения в сувальском регионе после войны. Старообрядцы из окрестностей Августова два года после входа немецких войск в 1943 г. были вывезены в основном в Восточную Пруссию (сегодня территория Калининградской области) на принудительные работы в деревнях (Iwaniec 1977, 104). После войны они вернулись на своё прежнее место жительства.

Вследствие очередного изменения границ в 1945 г. старообрядцы сувальско-августовского региона потеряли контакт с земляками из Балтии и других республик СССР. В старообрядческих деревнях в окрестностях Сувалок и Августова, за исключением деревень Габове Гронды и Бур, появились польские семьи, которые скоро составили большинство населения этих местностей. Деревни же Габове Гронды и Бур до сих пор сохраняют свой прежний характер коммуникативной общины. Надо обратить внимание на языковые изменения, которым подвергался средневеликорусский диалект за время контакта с польским языком, а особенно – за последние полвека. Цивилизационные изменения, такие как индустриализация, урбанизация, массовая

---

² „Островные ситуации возникают вследствие переселения части того или иного этноса по тем или иным причинам – социально-политическим, военным, экономическим и прочим – в регионы проживания иного этноса (иных этносов) с иным языком (иными языками)” (Дуличенко 1998, 26).

³ Соглашение, подписанное 23 августа 1939 года главами ведомств по иностранным делам Германии и Советского Союза.

электрификация, развитие СМИ, всеобщее образование, привели к значительному ослаблению изоляции общины. Контакт с польским языком не ограничивался временем школьной учебы, как это было до Второй Мировой Войны, а из-за контактов с польской администрацией, радио, телевидения и частых встреч с поляками из соседних местностей был постоянным. В русском говоре появлялось всё больше польской лексики, заимствовались синтаксические структуры, фразеология и идиоматика. Сравнение языковой ситуации польских старообрядцев 1950-1960 гг. с рубежом XX-XXI вв. показывает, что общая сумма интерференции значительно увеличилась (Ср. Grek-Pabisowa 1999a, 224-227; Глушковски 2006, 243-251; Paśko 2008, 305-307). Русскую диалектную систему с польскими элементами заменило постоянно эволюционирующее состояние, которое С. Гжибовский определяет как гибридизацию, т. е.

„смешение языковых систем в таком виде, когда одна из них составляет основную структурную базу для сосуществования различных элементов обеих систем. Такой процесс как раз намечается в исследуемом говоре, где постепенно русская диалектная база псковского происхождения приобретает польское фонетическое, лексическое, идиоматическое и фразеологическое наполнение. Русской, т. е. диалектной остаётся в основном морфологическая система, она как раз составляет тот формально-грамматический каркас, который позволяет утверждать, что возникающий гибрид является русским” (Гжибовский 2007).

В настоящее время ситуация жителей старообрядческих деревень Габове Гронды и Бур отличается от старообрядцев из городов Сувалки и Августов, а также от отдельных семей и лиц, проживающих в других местностях региона. В их случае возникающий гибрид может стать новой нормой, формой смешанного (*mixed language*) или переплетенного языка (*intertwined language*) – системы, в которой основные грамматические структуры происходят из языка L₁, а лексика из L₂ (Ср. Bakker 2003, 109-110). Такое явление может иметь место, если новый язык станет одним из символов культурной идентичности использующей его общины (Thomason 2003, 35-36). Но это пока сомнительно. Хотя до сих пор говор передавался и передается детям и постоянно является основным средством коммуникации в домашней и соседской сфере, а все члены общины связывают его со своей традицией и религией⁴, его статусу как символу старообрядчества противопоставляется низкий престиж говора, а также стремление молодежи к ассимиляции с польским культурным и языковым окружением.

Старообрядцев в городах Августов и Сувалки, несмотря на то что они составляют относительно многочислительные группы, нельзя считать коммуникативной общиной в

---

⁴ Определяя свой говор старообрядцы сувальско-августовского региона отдают себе отчет в том, что он отличается от общерусского языка. Они называют диалект «своим языком»: *ty gavar' ūm pa_svaj bnu*.

полном значении этого термина. Многие из городских старообрядцев воспитывались в деревне или по крайней мере посещают живущих там родственников и во время визитов пытаются говорить на диалекте, хотя бы в ограниченных пределах. Однако в городах отдельные старообрядческие семьи живут среди польскоязычных соседей, а их дети играют и воспитываются вместе с не-старообрядцами, вследствие чего передача русского говора молодому поколению является практически невозможной. Хотя большинство старообрядцев из Сувалок и Августова все реже употребляет диалект предков, этот факт не обозначает, что они отказываются от своего вероисповедования.

Третий вариант языковой ситуации представляют отдельные старообрядческие жители деревень, расположенных в треугольнике: Августов-Сувалки-Сейны. Они обычно живут в тех же хозяйствах и домах, в которых жили их родители и деды, но за несколько десятков лет вследствие военных событий и послевоенного сокращения численности польских старообрядцев, их деревни стали польскими, и они оказались в меньшинстве. А как известно, внешнее влияние на язык представителей меньшинства в сельском окружении является не столь сильным, как в городах (Miodunka 2003, 113). У старообрядцев, работающих на собственных хозяйствах, значительно меньше контактов с поляками, чем у людей, работающих в городе, и поэтому они могли сохранять традиционный говор и передать его своим детям.

С 1999 г. проводятся диалектологические и социолингвистические исследования языка польских старообрядцев с целью описания функционирования русского островного говора в условиях польско-русского двуязычия. В 1999-2009 гг. научные сотрудники, аспиранты и студенты Института славянской филологии Университета Николая Коперника в Торуня под руководством проф. С. Гжибовского организовали 10 научных экспедиций⁵, посещая 23 местности, в которых живут старообрядцы. Исследованиям подверглось более 130 информантов, а речь 79 из них удалось записать на магнитофон или цифровые рекордеры – около 280 часов разнообразного материала: свободных интервью, непринужденных разговоров между информантами, а также интервью, направленных на запись конкретной лексики. Собранные материалы стали предметом разработок, в которых исследовались прежде всего сохранившиеся диалектные черты, а также разнообразные явления интерференции. Интерференция выступает не только в русском говоре, но в случае некоторых представителей старшего

---

⁵ В экспедиции 2000 г. принимали участие диалектологи Института Русского Языка им. В. В. Виноградова Российской Академии Наук.

поколения и единичных старообрядцев среднего и младшего возраста – также в польском языке.

В идиолекте информанта М1925⁶, описанию которого посвящается настоящая статья, выступают все типы интерференции, наблюдаемые в языке польских старообрядцев. Языковая биография М1925 заслуживает особого внимания прежде всего из-за нетипичного жизненного пути и многолетней изоляции от других представителей его общины. Он родился в 1925 г. в небольшой деревне около города Сейны. В его семье все были старообрядцами, но вокруг жили почти одни поляки; другие старообрядческие семьи проживали в деревнях, находящихся неподалеку. М1925 в дошкольном возрасте усваивал два языка: русский говор и польский язык, в то время как дети из этнически гомогенных деревень Габове Гронды и Бур не только до Второй Мировой Войны, но и еще несколько лет после нее, в раннем детстве знали только традиционный диалект, а первым серьезным контактом с языком большинства было для них начало школьной учебы. Среди одноязычных соседей, говорящих только на польском языке, все члены семьи М1925 нуждались в хорошем знании польского языка. Следует отметить, что польским языком владели даже дедушка и бабушка информанта, которые родились в 70-ые гг. XIX в., когда далеко не все старообрядцы были двуязычными. Наш информант и его семья имели возможность участия в религиозной жизни своей общины, так как в одной соседних деревень, в Штабинках, находилась моленная. Хотя ни М1925, ни другие старообрядцы из северо-восточной части сувальско-августовского региона не приводили примеров религиозной нетерпимости со стороны польских соседей, иногда им приходилось почувствовать, что они – представители меньшинства. Информант М1925 же всегда отстаивал вероисповедование и традиции своей общины.

После окончания школы информант М1925 работал в домашнем хозяйстве, а в 1941 г. вместе с семьей и многими другими старообрядцами с территории, оккупированной Германией, был переселен в Литву. После войны многие семьи остались в регионах переселения, а родители М1925 и их ближайшие родственники вернулись в Польшу. Работая вместе с литовцами и общаясь с ними, М1925 овладел литовским языком, знание которого сохранил до сих пор. Скоро после переселения старообрядцев и других лиц русского происхождения из сувальского региона началась война Германии с СССР, и Литва тоже была оккупирована немецкими войсками, а

---

⁶ Исследователи гарантировали всем информантам анонимность. Поэтому в символе информанта закодирован только его пол (мужской) и год рождения.

сельские хозяйства заняты немцами. Благодаря контакту с немцами М1925 овладел также немецким языком. Факт быстрого усвоения очередных языков подтверждает высокий уровень языковых способностей информанта. Кроме русского диалекта, польского, немецкого и литовского языков, М1925 свободно читает по-церковнославянски и понимает значение текстов в священных книгах. Хотя информант окончил лишь семилетнюю, позицию его семьи можно считать относительно высокой, по крайней мере по стандартам родной деревни. Его дедушка был сельским старостой, а отец не только умел читать по-церковнославянски, но и научил этому своих детей. Высокому статусу самого информанта способствовал факт работы не только на собственном хозяйстве, но и в местной администрации, на посту водителя и в отделении контракции хозяйственных плодов.

М1925 женился на старообрядке. Детей они крестили в вероисповедовании предков. Языком домашнего общения был русский диалект, но дети одновременно учились польскому языку. После окончания школ, в 1970 гг., дети информанта нашли работу в городах, отдаленных настолько от родной деревни, что посещение родителей стало редким. Хотя у всех детей М1925 есть уважение к старообрядчеству как таковому и к родителям, они все женились или выходили замуж за католиков. Никто из внуков информанта не был крещен в вере дедушки.

Очень важным в языковой биографии М1925 является то, что после смерти жены в 1996 г. он живет один, его изредка навещают дети и внуки. Когда в 2006 г. к нему впервые заехали диалектологи из Университета Николая Коперника и обратились к нему на русском языке, информант стал говорить «по-своему», но заметил, что ему не с кем говорить по-русски и что он постепенно забывает этот язык. Однако следующие визиты и разговоры показали, что М1925 в состоянии говорить на старообрядческом диалекте относительно долго⁷, а его речь лишь в некоторых аспектах отличается от языковой ситуации жителей гомогенной коммуникативной общины деревень Габове Гронды и Бур.

Собранный языковой материал составляет цифровая запись 2 часов свободных разговоров с информантом М1925 (из чего около 80% на говоре, 15% на польском языке, а 5% на церковнославянском⁸). В польском языке М1925 практически нет влияния русского говора. В записанных высказываниях, а также в беседах с М1925,

---

⁷ Каждое из 4 интервью, записанных в гг. 2006, 2007, 2008 и 2009, продолжалось около 30-60 минут.

⁸ Во время интервью информант читал молитвы и часослов, а также цитировал фрагменты других религиозных текстов.

которые велись по-польски, но без магнитофонной регистрации, выступили единичные полонизмы. Например, в предложении *i vs'ycy r'azem m'ešk'al'i v j'ednym d'om'e i b'arzo zg'odnie ž'yl'i*⁹ ‘и все вместе жили в одном доме, и очень согласно жили’ М1925 вместо формы *d'omu*, использует *d'om'e* под влиянием русской именной флексии¹⁰. В польской речи М1925 иногда можно заметить палатализованные согласные (напр. [s']) вместо типичных для польского языка палатальных (напр. [ś]): *s'ostra* ‘сестра’ вместо поль. *ś'ostra*. Влияние фонетики говора проявляется в факультативной реализации палатализованных согласных. Другие примеры отличия польской речи М1925 от общенародного стандарта польского языка связаны не с влиянием диалекта, а с региональным вариантом языка, на котором говорит окружение информанта. Например, фраза *tak o* в значении ‘таким образом’, выступающая как в польских, так и русских высказываниях М1925, что является типичным для речи поляков сувальско-августовского региона.

Главным отличием языкового поведения М1925 от его сверстников, живущих в гомогенной старообрядческой общине, является частотность переключения кодов (*code-switching*) в рамках билингвизма, в данном случае с русского на польский. Переключение кодов стало серьезной теоретической проблемой в современной теории языковых контактов, и чтобы избежать неточности, надо подробно рассмотреть вопрос с теоретической точки зрения и предложить точные терминологические решения. Классическая дефиниция Э. Хаугена, предложенная им на Международном Конгрессе Лингвистики в Осло (1957 г.), является слишком широкой и неточной, потому что не учитывает разнообразных проявлений переключения кодов, сводя все случаи более или менее явного перехода с одного языка на другой к обсуждаемому явлению (Хауген 1972, 69). Более точный подход представляет К. Мейерс-Скоттон:

„Classic code-switching includes elements from two (or more) languages varieties in the same clause, but only *one of these varieties is the source for the morphosyntactic frame for the clause*” (Myers-Scotton 2006, 241).

Под понятием морфосинтаксического каркаса (*morphosyntactic frame*) К. Мейерс-Скоттон подразумевает все грамматические критерии, позволяющие определить, какой из языков является основным, т.е. языком-матрицей (*matrix language*), а какой –

⁹ В тексте используется упрощенная славистическая фонетическая транскрипция.

¹⁰ Хотя в разговорном варианте польского языка выступает девиационная форма *d'om'e*, ее влияние на речь нашего информанта сомнительно, так как его другие высказывания доказали, что он правильно говорит по-польски.

включенным (*embedded language*); (Myers-Scotton 2006, 241; 2004, 106-107). Но теория Мейерс-Скоттон тоже не идеальная, а ее недостатки связаны с проблемой поиска адекватных критериев выявления языка-матрицы. Поэтому в настоящей статье употребляется типология ситуаций переключения кода П. Муйскена, который ссылается в частности на теорию языка матрицы, но использует и другие теоретические подходы. Первый из различаемых П. Муйскеном типов переключения кодов – вставляющий (*insertional*) похож на ситуацию с матрицей и имеет место, когда элемент языка L_1 , состоящий из одного или нескольких слов, вставляется в высказывание на языке L_2 (Muysken 2000, 4-5). Второй, альтернирующий (*alternational*) тип связан с фактической альтернативой систем в рамках одного предложения; грамматика и лексика L_1 заменяется грамматикой и лексикой L_2 (Там же: 5). Третий, последний тип переключения кодов, конгруэнтная лексикализация (*congruent lexicalization*), относится к наименее четким ситуациям языкового контакта, которые имеют место в случае столкновения двух (или большего количества) сходных, родственных кодов. В таком случае в рамках высказывания выступают элементы, которые можно считать совместными, т. е. из-за сходства находящихся в контакте систем, невозможно определить, к какой из них принадлежит данный элемент (Там же, 5-6). Такая ситуация как раз имеет место в описываемом случае контакта русского говора и польского языка, в которых существует много сходных слов.

Теоретический подход П. Муйскена не разъясняет сразу всех сомнений, связанных с переключением кодов, но является хорошим исходным пунктом для анализа собранного нами материала. В материале, собранном у M1925 проявляются все выделенные П. Муйскеном типы переключения кодов. Хороший пример высказывания, содержащего элементы двух систем в разной форме, составляет рассказ информанта о визите католического епископа в школе, в которую ходил M1925 и еще один старообрядец – его двоюродный брат. Событие имело место в 30-ые гг. XX в.:

b'iskup m'et pr'ij'exat' // sd'etal'i br'amu v'it'amy cé' bjče tam t'ego t'ak'i n'ap'is h'asto / i on pr'ij'exat taks'ufkaj / a my tak v dv'ujkax st'al'i / i jak on vyxad' it s taks'ufk'i n'ada b'yla kl'enknut' / a ja i moj brat dvajur'odnyj / to ne kl'enknul'i / v nas nelz'a kl'enkat' // a nauč'yčel priš'ot i jem'u xlast / kl'ekaj / a ten m'uv'i ne / a b'iskup zauv'azyl' / no i kak on patxad' it k jem'u / stav'at i dav'at jem'u cuk'erk'i tam t'ego / no i padaš'ot až k nam / a my staj'im / dlač'ego vy ž'eci ne kleknel'išće / a my gavar'im / što v nas nelz'a kl'enkat' / a j'akaj vy v'ery / a starav'ery / a vm'eječe skaz'at' bjče naš / vm'ejem / no i pa_rusk'i skaz'al'i bjče naš / ja bjče naš a jon bogar'od'icu / no i p'áne k'erovn'iku za co pan j'ego ud'ežyl' on'i gavar' it um'eja pač'eže gavar' it on'i po svoj'emu gavar' it ale ten sam bjče naš / to samo / gavar' it ne v'olno tam / i nam cuk'eryk / m'ne p'astku i jem'u

*p' astku /m łáće za to v' łecej cuk' erkuv /a r'eb' łaty /ot xol' era /kak kac łpy cuk' erkuv dost łł'i /a nam t łylko po dva cuk' erk'i dat*¹¹

В данном тексте жирным шрифтом выделены фрагменты высказывания на польском языке. Анализ материала показывает, что не всегда возможна точная классификация всех элементов. Например, во фрагменте *i on pr'ij'exał taks łfkaj a my tak w dv'ujkax st łł'i* 'а мы так в парах стояли' союз *a* и личное местоимение *my* одинаковы в обоих языках. В данном примере из-за синтаксической связи *a my* с дальнейшей частью польского предложения, в которой обсуждаемое местоимение выступает в функции подлежащего, оно классифицируется как польское. По тем же причинам фрагмент *i on* в предложении *i on pr'ij'exał taks łfkaj a my tak w dv'ujkax st łł'i* считается русским. Это как раз примеры описанной Муйскеном конгруэнтной лексикализации – так *a my*, как *i on*, а также другие сходные элементы высказывания могут принадлежать к обоим кодам, и поэтому можно считать, что в данном случае имеет место момент переключения кодов (Ср. Там же, 5-6).

Большинство случаев переключения кодов в приведенном тексте связано с диглоссией, т. е. укоренившимся от нескольких поколений функциональным распределением сфер употребления языков, употребляемых двуязычной группой (Ср. Ferguson 1959, 336; Fishman 1971, 286-287). Диглоссия свойственна билингвизму польских старообрядцев. Среди основных сфер употребления языка/языков А. Зелинская выделяет: семью, соседей, учёбу, работу и религию, но к этим сферам можно добавить и другие (Zielińska 1996, 127-128). Каждая сфера (*domain*) состоит из многих переменных, среди которых важнейшими являются: место, партнёр и тема разговора. У большинства старообрядцев билингвизм сопряжен с диглоссией. В соседских контактах, в разговорах на темы повседневной жизни, религии и обычаев, они говорят на местном говоре, а в официальных ситуациях, на работе или с польскоязычными знакомыми употребляют польский язык. Итак, в приведенном фрагменте текста информант рассказывал о ситуации, которая случилась в школе, т. е. сфере обслуживаемой польским языком, а к тому же все участники коммуникативной ситуации говорили по-польски. В своем рассказе M1925 цитирует некоторые

¹¹ Во время визита, директор насильно принуждал M1925 и его родственника встать на колени вместе с остальными учениками, что противоречило религиозным законам старообрядцев. Однако епископ оказался более терпимым, чем педагог, и оценил должным образом религиозный облик молодых старообрядцев, награждая их сладостями. В дальнейшем изложении отдельные фразы будут сопровождаться полным переводом на русский язык.

высказывания не переводя их, напр. во фрагменте *sd'etal'i br'amu v'it lamy ce bjce tam t'ego t'ak'i n'ap'is h'asto* ‘приветствуем тебя отче, такая надпись, лозунг’ появляется прямая цитата надписи, которую приготовили школьники по поводу приезда епископа. Хотя в цитату вставлен незначимый элемент *tam tego*, исполняющий фатическую функцию, он тоже является элементом польского кода. О том, что подчеркнутый фрагмент является цитатой, свидетельствует также дальнейшая часть высказывания, в которой повествование продолжается на русском диалекте: *i on pr'ij'exat taks'ufkaj*. Аналогичные явления видны и в других фрагментах: *no i padaš'ot až k nam / a my staj'im / dlač'ego vy ž'eci ne klęknęł'išće / a my gavar'ım / što v nas nelz'a kl'enkat* ‘рус. почему вы, ребята, не встали на колени’; *a r'eb'aty / ot xol'era / kak kac'apy cuk'erkuv dost'al'i / a nam t'ylko po dva cuk'erk'i dať* ‘от, дьявол, как цацапы¹² конфетов получили, а нам только по два конфета дал’ или *no i p'ańe k'erovń'ku za co pan j'ego ud'eżył b'ni / gavar'ıt / um'ęja pać'eże / gavar'ıt* ‘ну, господин начальник, почему вы его ударили, умеют молитвы’.

Особо ярким случаем цитирования является последний пример, в котором после русского предложения [*on*] *gavar'ıt* передаются слова говорящего по-польски епископа. Связанное с цитатами переключение кодов принадлежит к первому, вставляющему типу по принятой нами классификации П. Муйскена (Muysken 2000, 4-5).

Выступающее в речи M1925 случаи альтернативного переключения кода тоже связано с функциональным распределением сфер использования языков в рамках диглоссии. В некоторых случаях смена темы разговора ведет к более устойчивому переключению кода, продолжающемуся до конца высказывания. Этот тип переключения кодов в языковом материале, записанным у M1925, был обусторонним. С одной стороны, когда объектом разговора стала сфера религии, традиционно обслуживаемая русским говором, а в области литургии – церковнославянским языком, информант немедленно переключил код высказывания на русский, напр.:

za kom l'ny služ'yt v ub'e / byl kap'it'anem Už'ędu Bezp'eč'eństva pat'om sd'etats'a pap'om // byl p'opem / kagd'a d'al'i svab'odu s v'eraj to j'ego v'ybral'i za pap'a ‘в коммунистическое время он работал в Комитете по Безопасности, был капитаном Комитета по Безопасности; был попом’¹³.

¹² Разговорное и оскорбительное определение русских.

¹³ Переводится только фрагмент на польском языке.

С другой стороны, необходимость описания событий, связанных с переписью населения, которая принадлежит к официальной, административной сфере жизни, вызвала переключение кода на польский:

my m'ěždu sab'oj pa_r'usk'i gavar'ım / ale jak p'łsał narod'owość r'uska / vyzn'anie staroobżęd'bv'ec / jęz'yk'i 'obce – p'olsk'i / l'it'evsk'i / ĩem'eck'i ‘но, когда писал – происхождение: русское, вероисповедование: старообрядец, иностранные языки: польский, литовский, немецкий’.

Во время очередных интервью М1925 многократно переключал код в обе стороны, особенно в связи со сменой сферы жизни, к которой относилось данное высказывание, но информант был в состоянии перейти на польский язык или русский говор по просьбе исследователя. Когда исследователи «не обращали внимания» на язык, на котором в данный момент говорил М1925, он выбирал тот код, на котором ему было легче описывать данную тему, однако придерживался основного языка разговора, т.е. после переключения кода на 2-3 предложения, он возвращался к языку, на котором были заданы вопросы. Однако когда его просили говорить только по-русски, он старался это делать, замечая, что из-за отсутствия языковой практики ему было бы легче пользоваться также польским языком. И если ему случалось перейти на польский, он старался обратно переключить код высказывания на русский. Например, отвечая на вопрос, на каком языке обычно говорит с литовцами, информант, относясь к ситуации, связанной с польским языком, начал ответ по-польски, а в дальнейшей части высказывания возвращается к диалекту:

ja pšev' až ĩe po p'olsku pa_p'olsk'i / an'y um' ejut / pa_p'olsk'i ja tam kupl'at / bo tam jest m'ojej ś'bstry syn / m'ajet balš'oj magaz'ın / m'ajet žėšeć'bx tyx pradavc'ev ‘я преимущественно по-польски’

Особым случаем вставляющего переключения кодов являются единичные слова из языка L_1 в высказывании на языке L_2 , которые находятся на грани переключения кодов и процесса заимствования. С одной стороны, по П. Муйскену, такие ситуации классифицируются как переключение кодов, а по классической дефиниции Э. Хаугена все примеры заимствования являются более или менее ясным случаем *code-switching* (ср. Muysken 2000, 4-5; Хауген 1972, 69). С другой стороны, в узком понимании термина «переключение кодов» единичные элементы языка L_1 в другой системе L_2 можно воспринимать как заимствования в неадаптированной форме. И. Грек-Пабис, исследующая язык польских старообрядцев с 1950-ых гг. разделяет в их речи три основных типа заимствований: ассимилированные, неассимилированные (вставки), а

также кальки. Среди адаптированных заимствований И. Грек-Пабис различает полную и частичную ассимиляцию (Grek-Pabisowa 1999a, 224-227). Полная ассимиляция имеет место, когда каждый польский звук и окончание заменяются их диалектными эквивалентами, а заимствованное слово склоняется по диалектной парадигме. О частичной ассимиляции можно говорить, когда любое из вышеупомянутых условий не выполняется (Там же, 226). Многие случаи частичной адаптации вызывают сомнения, потому что трудно их отличить от вставок. Если говорящий употребляет эти слова только в именительном падеже, их можно отнести к вставкам, так как нет признаков ассимиляции, но в косвенных падежах, несомненно, имеет место частичная ассимиляция; звуки не заменяются, а заимствованные слова склоняются по русской парадигме. Например, в случае заимствованного слова *s'oltys* в им. падеже неизвестно, произошла ли ассимиляция, но когда данное слово употребляется в твор. падеже *d'ed był s'oltysym* ясно, что оно адаптировалось к русской парадигме склонения, на что указывает окончание *-ym* вместо польского *-em* и место ударения. И. Грек-Пабис на основании исследований 1960-ых гг. утверждала, что польские слова в неизменном виде немногочисленны и касаются лишь новейшей лексики в говоре польских старообрядцев (Там же, 227). В настоящее время роль вставок из польского языка значительно увеличилась, особенно в языке молодого поколения, но также и в речи старших представителей исследуемой группы (Глушковски 2006, 242-246; Paško 2008, 113-118). Однако, в старшем поколении, к которому принадлежит информант M1925, заимствования обычно адаптируются, а единичные слова в неизменном виде появляются реже, исключая моменты явного переключения кодов, когда на польском языке формулируется по крайней мере одно предложение.

Вставки, а также адаптированные заимствования в речи M1925, появлялись в тех тематических сферах, которые в рамках диглосии традиционно обслуживаются польским языком, вследствие чего в данной сфере диалектная лексика или не существует или исчезла, так как носители говора ее не использовали. В нижеприведенных примерах указаны случаи употребления польской лексики в неассимилированной форме вместе с контекстом:

1. *i nakr 'yłša 'etym pšešcer 'adtem*
2. *dva g 'oda otbarab 'anił na izol 'atce*
3. *č 'ornyj raz 'ovyj /km' 'inek /z. km' 'ink'em*
4. *kupl 'ajut /tam ž 'yvnoś b' 'erut v 'otku pap'er 'bsy*

5. *v'ern'utša s vajska' / to m'eňa zdegr'adov'at'i*
6. *star'atša / že ja u n'ëmca rab'otał / star'atša Pojedn'añe Ñem'ěcko-P'olsk'e*
7. *v'etovo xaz'aina my rab'otal'i j'ako š'ita naj'ëmna*
8. *pak'ojnik' neb' bščyk l'ežyt tam na t'afk'e / čy na stal'e*
9. *putl'a na n'itk'i eta gavar' it b'es dj'ubet*
10. *j'eśl'i an'a mñe neš'ot / na koryt'ažu nal'iv'ajet / kak pl'uñet sk'ažet / maš / brad'aču / tak ñe byv'ajet / no maš brod'aču ty / tak m'og'et sd'ełat'*

В примере 1., лексема *prześcieradło* ‘простыня’ не подвергалась фонетической адаптации, так как у него полностью польское звучание, а слово склоняется по польской парадигме (окончание *-em* творительном падеже). Такая же ситуация выступает в двух очередных примерах (2. и 3.), где польские слова *izolatka* ‘одиночная камера; одиночка’ и *kminek* ‘тмин’ употребляются вместе с предлогом без субституции фонем и согласно с польской парадигмой склонения. Случаи 1., 2. и 3. считаются четкими примерами вставок. Они не подвергались ни фонетической, ни морфологической адаптации, напр. замене твердого *l* мягким *l'* в слове *izol'atka*, изменению суффикса *-ek* на *-ak* (*km'inek > km'inak*), или появлению в слове *prześcieradło* палатализованного *s't'* как говорного эквивалента поль. палатального *ść*, а кроме того все заимствованные слова выступают в падежах, в которых поль. и рус. окончания различны. В примере 4. тоже нет признаков морфонологической ассимиляции, но заимствуемые слова *żywność* ‘продовольственные продукты’ и *papierosy* ‘сигареты’ употребляются в именительном падеже, в котором невозможно однозначно констатировать факт адаптации к диалектной парадигме склонения или ее отсутствия.

Случай 5. относится к сходной ситуации, но сомнения касаются ассимиляции не существительного, а глагола. Заимствованные из польского языка глаголы в языковом материале, собранном у M1925, и в речи других польских старообрядцев, появляются очень редко, составляя около 1% всех вставок¹⁴ при 95% имен существительных, менее 1% прилагательных, 2% наречий и около 1% других частей речи¹⁵. Польский глагол

¹⁴ Приведенные данные надо считать приблизительными, так как процентные суммы исчислялись на основании количественного анализа всех вставок в языке молодого поколения (анализ проведен автором настоящей статьи в 2005 г.) и выборочного материала для среднего и старшего поколения.

¹⁵ В случае несклоняемых частей речи, а особенно – однословных местоимений, союзов и частиц, часто нет места для процессов адаптации и поэтому нельзя однозначно определить статус напр. местоимения *jak* ‘как’.

zdegradować ‘разжаловать’ в высказывании информанта появился в 3 лице мн. ч. с польским ударением на предпоследний слог. Так как в этой форме окончания в польском языке и русском говоре одинаковы (-*li*), а других признаков адаптации нет, заимствованное слово в приведенном фрагменте надо считать вставкой.

Сомнения в определении статуса формы *zdegradov'al'i* в примере 5. повторяются в двух очередных примерах: 6. и 7. Формы *Pojedn'ańe Něm'ecko-P'olsk'e* ‘Немецко-польское примирение’¹⁶ и *ś'łta naj'emna* ‘наемная рабочая сила’ употребляются в именительном падеже, а их фонетика, место ударения, а также состав морфем, остаются польскими. В обоих случаях элементы, перенесенные из польского языка, состоят из больше, чем одного слова, но с семантической точки зрения каждая из сложных единиц соотносится только с одним элементом внеязыковой действительности. Лишь употребление информантом в примерах 6. или 7. косвенных падежей дало бы возможность определения парадигмы склонения и их классификации как частично ассимилированных заимствований.

В примерах 8. и 9. единичные польские слова в русской речи выполняют уточняющую функцию. Формы *pak'ojnik* и *ńeb'oščyk*, а также *b'es* и *dj'abet* являются межъязыковыми семантическими эквивалентами. Случаи повторения одного или большего количества слов с идентичным значением, но на другом языке, относительно часто случаются в высказываниях большинства старообрядцев сувальско-августовского региона. Такие ситуации указывают на сходство вставок (неассимилированных заимствований) и переключения кодов. Дж. Гамперз и Я.-П. Блом случаи изменения кода с целью подчеркнуть или выделить фрагмент высказывания, определили как метафорическое переключение кодов (*metaphorical code-switching*), но в употребляемой в настоящей статье типологии П. Муйскена эти явления относятся к типу вставляющего переключения кода (Ср. Fishman 1972, 6-7; Gumperz 1977, 1; Muysken 2000, 4-6).

В свою очередь случай 10. является иллюстрацией для широко распространенного в исследуемой нами общине явления вариативности форм, которая, однако, имеет место скорее на уровне группы, чем с индивидуальной, идиолектной точки зрения. Многие слова выступают в говоре польских старообрядцев в двух или большем количестве вариантов. Например, кроме неассимилированного заимствования *godzina*

¹⁶ Созданный Германией фонд, выплачивающий компенсации гражданам Польши, которые принудительно работали в Германии в гг. 1939-1945.

информанты употребляют это слово в ассимилированном виде *gaʒina*, а также русскую форму *час*, а лексема *troche* ‘немного’ адаптировалась по-разному, т. е. посредством субституции носового гласного *ę* с помощью *a*, *e* и *u*: *tr'oxa*, *tr'oxe*, *tr'oxu*. Д. Пасько, исследующая двуязычие старообрядцев в деревнях Габове Гронды и Бур, а также в городе Августов, приводит 98 примеров заимствований, выступающих в языке этой общины в более, чем одном варианте (Paško 2008, 162-165). Их вариативность обусловлена прежде всего активным и интенсивным процессом заимствования польской лексики. Многие слова переносятся в говор параллельно, т. е. одновременно появляются в речи разных информантов, из которых не все адаптируют новую лексему одинаково. Первая вставка во фрагменте 10. – *na koryt'ažu*, относится к несомненным случаям неассимилированных заимствований, как в примерах 2. и 3.: слово *kor'ytaž* употребляется в полном согласии с польской парадигмой склонения. В дальнейшей части примера 10. появляются два варианта слов с одним и тем же значением: *brad'aču* и *brod'aču* (оба слова в звательном падеже). Употребление несуществующего в русском говоре звательного падежа в повелительной синтаксической конструкции *maš /brad'aču* и *no maš brod'aču* может свидетельствовать о совершившемся в данный момент переключении кода на польский и конгруэнтной лексикализации идентичной в обоих языках формы *maš* и сходных, отличающихся друг от друга лишь аканьем форм *brod'aču* и *brad'aču*¹⁷. Употребленный дальше второй вариант это уже польское слово *brodac* в неизменном виде. Явление вариативности форм чаще всего относится к группе, где существует возможность появления разных индивидуальных вариантов. Множество форм редко наблюдается в отдельных идиолектах; вышеописанный случай был единственным в 2-часовом языковом материале M1925.

Кроме фрагмента 10., являющегося примером вариативности форм, неассимилированные заимствования практически во всех приведенных фрагментах касались тематических сфер, связанных с современной жизнью. Другая ситуация имеет место в примерах 8. и 9., касающихся повседневной и религиозной тематике, традиционно обслуживаемой русским говором. Эти вставки были употреблены

---

¹⁷ Появление звательного падежа в настоящем примере может быть связано с постоянным контактом информанта с церковнославянским языком. Однако так как нет сходных явлений в других высказываниях M1925, причиной единичной вариативности форм мог быть также случайный языковой промах говорящего.

сознательно, чтобы подчеркнуть значение слов, а информант знал и диалектную, и польскую лексику.

Причины появления ассимилированных заимствований из польского языка в высказываниях информанта на русском говоре были такие же, как и в случае вставок – недостаточные лексические ресурсы диалекта. Нижеприведенные фрагменты высказываний демонстрируют типы адаптации, выступающие в процессе заимствования в речи M1925:

1. *v 'etu škl'anku*
2. *an'a był'a katox'etkaj*
3. *m'ajet ek'ipu svaj'u*
4. *s xaz' 'ajstva m'aju r'entu /a emeryt'uru m'aju s rab'oty*
5. *an'y as'obna żyv'ut*
6. *'al'i na v'utku już'ne*
7. *nada b'yla kl'enknut'*
8. *nal'eżyt śę m'nie do emeryt'ury tam'ileś dopł'ata*
9. *v 'etoy mal' 'enny j'akaś pšekl'atstva /s'em pap'of pam'orta*

В примерах 1. и 2. польские слова *szklanka* (рус. стакан) и *katechetka* ‘преподавательница Закона Божьего’ подвергаются фонетической и морфологической адаптации. В случае 1. польское *l* заменяется русским палатальным *l'*, а слово адаптируется к русской парадигме склонения (окончание *-u* в винительном падеже ж. р.). Во втором примере фонетической адаптации слова *katechetka* сопутствует деформация, а вследствие морфологической адаптации, заимствование принимает окончание *-aj* в творительном падеже ж. р. На наличие деформированных слов среди заимствований в говоре польских старообрядцев обращала внимание И. Грек-Пабис. По ее мнению звучание таких слов обусловлено не регулярной субституцией фонем, а деформацией, вытекающей из ошибочных ассоциаций носителей диалекта, напр. *b'arber* (ср. поль. *rabarbar* ‘ревень’), *sal'er* (ср. поль. *seler* ‘сельдерей’) и др. (Grek-Pabisowa 1999a, 226).

Случаи 3. и 4. подвергаются лишь морфологической адаптации. В словах *ekipa* ‘бригада’, *renta* (рус. пособие, пенсия) и *emerytura* ‘пенсия’ нет признаков фонетической адаптации. От вставок они отличаются фактом склонения по русской парадигме (во всех словах окончание *-u* в винительном падеже ж. р.). По

классификации И. Грек-Пабис, примеры 3. и 4. относятся к частично ассимилированным заимствованиям (Ср. Там же, 224-227).

Доминация имен существительных среди адаптированных заимствований не так заметна, как в случае вставок. Д. Пасько назвала более 1100 заимствований из польского языка, среди которых 46,7% составляют существительные, 29,8% глаголы, 19,3% прилагательные, 2,9% наречия, а 1,3% остальные части речи (Paśko 2008: 167-234). Хотя процентные данные исчислялись на основании материала, которого нельзя считать вполне представительным¹⁸, они дают по крайней мере приблизительные пропорции заимствований в говоре исследуемой группы. Также в материале, собранном у M1925, выступают прежде всего ассимилированные имена существительные, но несмотря на ограниченный корпус его высказываний, в них появляются и другие части речи. В примере 5. польское наречие *osobno* 'отдельно' подвергается фонетической адаптации: безударные гласные редуцируются согласно аканью. Так как заимствование *as'obna* не склоняется, нет возможности применения другого типа адаптации, и поэтому совершившуюся фонетическую ассимиляцию надо считать полной (Ср. Grek-Pabisowa 1999a, 224-226).

Фрагмент 6. содержит несколько ассимилированных польских слов. Существительное *v'utka* 'водка' адаптировано морфологически, так же, как слова из примеров 3. и 4. Кроме того в данном фрагменте наблюдается ассимиляция союза *ale* (рус. но). Фонетическая адаптация (смягчение *l'* и субституция конечного гласного *e* звуком *i*), из-за отсутствия возможности применения других адаптационных средств, является полной. Последнее из обозначенных в данном фрагменте слов вызывает некоторые сомнения. Наречие *już* 'уже', с одной стороны, выступает в такой же форме, как в польском языке, но с другой стороны, в нем нет места для адаптации. Сходства польского *już* с русским *иž* и наступающего после него идентичного в обоих языках *не*, позволяют воспринимать этот пример как случай конгруэнтной лексикализации.

Случай 7. касается полной адаптации глагола *kłęknać*. В начальном слоговом носовой гласный *ę* заменяется сочетанием гласного с согласным *en*, а польское *l* палатальным *l'*. В суффиксе вместо второго носового гласного *a* употребляется его русский диалектный

¹⁸ Использованный Д. Пасько языковой материал собирался на протяжении 9 лет, с целью проведения разных исследований, напр. для ономастики в различных сферах жизни, что может вызывать чрезмерное наличие имен существительных в составленном корпусе. Общие тенденции подтвердились в анализе выборочного, отвечающего условиям представительности материала, но их объем был небольшой и поэтому приведенных данных нельзя считать полностью достоверными.

эквивалент *и*, а в окончании инфинитива появляется русское палатализованное *t'* вместо польского палатального *ć*.

В последнем, 8. фрагменте появляется интересный случай конструкции, находящейся на грани ассимилированного заимствования и кальки. Фраза *nal'ežyt_śe* (3 лицо, е.ч.; 'полагается') состоит из частично адаптированной глагольной формы и возвратной морфемы, перенесенной из польского языка в неизменном виде. Лексемы языка L_1 , состоящие из морфем языков L_1 и L_2 , Е. Обара определяет как полукальки, если они копируют модели из языка L_2 , или как гибриды в случае новообразованных форм (Обара 1989b, 23). В приведенном примере ситуацию осложняет факт переключения кода в рамках высказывания: после смешанной формы *nal'ežyt_śe* наступает часть предложения, которую можно соотнести с обоими кодами из-за конгруэнтной лексикализации фрагмента *m'ne do emeryt'ury*¹⁹. Высказывание заканчивает польское *tam 'ileś dopł'ata* 'какое-то количество там доплата'. Также анализ структуры предложения²⁰ не выявляет основного кода высказывания. Итак, конструкция *nal'ežyt_śe*, из-за своей смешанной структуры наиболее близка полукальке, так как она создается по образцу польского *należy się* из русских и польских морфем.

Появившееся в примере 9. слово *pšekl'atstva* (рус. проклятие, заклинание), возникло вследствие контаминации поль. *przekleństwo* и рус. *проклятие*. Так образовалась полукалька, соединяющая русский корень *-kl'at-* с польскими аффиксами: префиксом *pře-* и суффиксом *-stw-o*. Этот случай можно считать также заимствованием с заменой корня.

В речи информанта M1925 выступают также четкие кальки, чаще всего на уровне синтаксиса:

1. *an'a dom v suv'at'kax m'ajet*
2. *v kalendar' 'u m'ajut /ale što d'eń*
3. *dva g'oda st'arše at m'eń'a*
4. *my m'eždu sab'oj pa_r'usk'i gavar' 'tm*
5. *ne sad' 'eržyvajut t'ep'er*
6. *brat ne žyv' 'ot /pam' 'or už'e*

¹⁹ Слово *emerytura* выступает в таком звучании и форме, как в польском языке, но как морфологически адаптированное заимствование можно его также считать элементом русского кода.

²⁰ $S_{\text{поль.-рус.}} \rightarrow VP_{\text{поль.-рус.}} + NP_{1\text{поль.}}$; $NP_{1\text{поль.}} \rightarrow N_{\text{поль.}}$ 'dopł'ata' + $AP_{\text{поль.-рус.}}$; $AP_{\text{поль.-рус.}} \rightarrow Adv_{1\text{поль.}}$ 'tam ileś' + $Adv_{\text{поль.-рус.}}$ 'do emeryt'ury'; $VP_{\text{поль.-рус.}} \rightarrow V_{\text{рус.}}$ 'nal'ežyt_śe' + $NP_{2\text{рус.}}$; $NP_{2\text{рус.}} \rightarrow N_{\text{рус.}}$ 'm'ne'.

Речь старообрядцев сувальско-августовского региона богата синтаксическими кальками, т. е. случаями изменения правил синтаксиса языка L_1 под влиянием языка L_2 (Ср. Obara 1989a, 205-207; Paško 2008, 245-262). Синтаксические кальки выступают как в русском говоре, так и в польском языке, а взаимное влияние обеих систем замечается прежде всего в старшем поколении (Paško 2008, 287-290). Однако в материале, собранном у M1925, процесс калькирования синтаксических структур отмечался только в русском диалекте. Многие кальки, выступающие в высказываниях информанта, типичны для говора польских старообрядцев в его актуальном состоянии. Например, во фрагменте 1. появляется личная форма глагола *m'et'*²¹, на основании которой создана конструкция, выражающая притяжательные отношения. В восточнославянских языках, особенно на русской диалектной территории, с целью выражения притяжательных отношений чаще всего используется конструкция *y + родительный падеж*. На западных рубежах восточной славянщины, в частности в белорусском литературном языке, под влиянием польского языка, параллельно с конструкцией с род. падежом, употребляются конструкции с *m'et'* (Сегень 2001, 124). В говоре польских старообрядцев преобладает модель с употреблением *m'et'* (по образцу поль. *mieć*), а русская конструкция *y + род. падеж* изредка появляется в речи тех информантов, у которых были контакты с общим вариантом русского языка. Так, как и в польском языке, используемый в притяжательных конструкциях глагол *m'et'* спрягается, напр. *ja m'aju, ty m'aješ* (Ср. поль. *ja mam, ty masz*). Конструкция с *m'et'* могла появиться в говоре исследуемой группы еще до их миграции в Польшу, напр. из белорусских диалектов, а потом польский язык стал катализатором сохранения и продуктивности данной синтаксической схемы. Выражая притяжательность, информант M1925 применял только конструкцию с *m'et'*.

Другой пример употребления вышеописанной синтаксической модели выступает во фрагменте 2. Отвечая на вопрос о происхождении имен детей при крещении, информант использовал типичную для языка своей общины конструкцию с *m'et'* в соответствующей личной форме. Вторая калька в данном отрывке текста связана с очередным, широко распространенным в говоре польских старообрядцев типом синтаксической схемы, происходящей из польского языка (Ср. Paško 2008, 256-257). В конструкции *što d'eń* 'каждый день' отношения повторяемости выражаются по схеме *što + винительный падеж*, являющейся калькой польской синтаксической модели *co +*

²¹ Глагол *m'et'* (рус. иметь) может происходить так от польского *mieć*, как и от белорусского *мець*.

вин. падеж. Другие показатели отношений повторяемости не выступали ни в речи М1925, ни в высказываниях других информантов.

Случай 3. касается сравнения возраста. Представители исследуемой нами группы применяют с этой целью только конструкции типа *st'arše/ml'atše at* + родительный падеж (Ср. Там же, 256) и, кажется, не знают русской модели *старше/моложе(младше)* + род. падеж. Использованная информантом конструкция *st'arše at m'eń'a* является калькой поль. показателя категории сравнения – имя прилагательное в сравнительной степени + *od(e)* + род. падеж., напр. *starszy ode mnie, młodszy od ciebie*.

Очередная ситуация связана с менее распространенным типом кальки, которая в речи М1925 появилась один раз, а в говоре старообрядцев выступает спорадически. Взаимные отношения в русском языке выражаются с помощью склоняемой синтаксической схемы *друг друга*, в то время как в примере 4. информант использовал конструкцию *m' eždu sab'oj*. Она является калькой польской фразы *między sobą*.

В зарегистрированном у М1925 материале появился только один пример словообразовательной кальки, т. е., по классификации Е. Обары, неологизма, возникшего как отражение посредством собственных элементов чужих слов, или их сочетаний (Ср. Obara 1989a, 195). Употребленный информантом во фрагменте 5. несовершенный глагол *sad' eržyvat* возник как калька поль. *utrzymywać* ‘сохранять, содержать’. У новообразованной формы такая же структура, как у польского источника: корень *-trzym-* заменен эквивалентом *-d'erž-*, а суффикс несовершенности *-uva-* – в обоих языках идентичный. Вместо префикса *u-*, в новообразованном слове появляется *sa-*. В русском литературном языке существует слово *содерживать* (в значении ‘нести чьи-то расходы’). Однако, функционирующую в диалекте сувальско-августовских старообрядцев форму *sad' eržyvat* нельзя воспринимать как синонимическую семантическую кальку, т. е. слово, приобретающее новое значение под влиянием сходных по значению слов другого языка (Ср. Там же, 200), так как в языке исследуемой группы у этой лексемы нет другого значения, кроме ‘сохранять, содержать’.

Во фрагменте 6., в форме *nie żyv'ot* замечается пример типичной для говора старообрядцев семантической синонимической кальки. М1925 использовал глагол *žit'* в значении перенесенном из польского языка: *żyć* = ‘быть в живых’. Данное слово с отрицанием, *nie żyć*, обозначает ‘умереть’, ‘быть мертвым’. В русском языке глагол

жить обладает более широкими семантическими пределами и обозначает ‘быть в живых’, а также, прежде всего, ‘проживать, обитать’. Конструкция *ńe ȓyt'*, а особенно в форме 3 лица настоящего времени *ńe ȓyv' ot* в русских диалектах и литературном языке сочетается с другим значением (Ср. Даль 2003). Высказывание типа **брат не живёт* подсказывает смысл предложения: ‘брат [где-то] не живет’. Для выражения же чьей-либо смерти употребляются фразы с глаголами *умереть*, или *помереть*, что видно в дальнейшей части приведенного примера, где фрагмент *pat' or uȓ'e* является конкретизацией и уточнением значения предшествующей конструкции. Жители старообрядческих деревень Габове Гронды и Бур употребляют фразу *ńe ȓyt' (ńe ȓyv' ot)* без дополнений.

Не все типы калькирования одинаково распространены в диалекте старообрядцев сувальско-августовского региона. Синтаксические кальки выступают у всех наших информантов, но кальки словообразовательные – у около 20%, семантические – у 12%, а фразеологические – только у 9%²². Процессы заимствования и калькирования обусловлены, прежде всего, происходящей гибридизацией исследуемого говора (Гжибовски 2008). Словообразовательные, семантические и фразеологические кальки менее распространены, чем изменения в области синтаксиса, из-за факторов, ограничивающих их употребление. Образованию новых языковых форм способствует высокий уровень языковой компетенции и повседневное использование данного языка в коммуникативной общине. Несмотря на то, что информант M1925 проявляет чрезвычайные языковые способности, у него не хватает языковой практики, чтобы свободно образовывать новые лексические единицы. Кроме того, билингвы, функционирующее в двуязычной группе, заимствуют новую лексику друг у друга, что в случае M1925 имеет место очень редко.

Низкая численность и малое распространение семантического калькирования обусловлены сокращающимися исконными лексическими ресурсами родного говора польских старообрядцев. Исходной точкой для анализа должен быть не словарь русского литературного языка, или современные и исторические словари средневеликорусских говоров, а актуальная лексика говора старообрядцев северо-восточной Польши, так как они не знают значения многих русских слов. Итак, хотя в русском языке существует слово *управлять* в значении ‘заведовать, править’, форму

²² Приведенные данные исчислялись на основании исследований Д. Пасько (для старообрядцев, живущих в окрестностях Августова) и выборочного материала (для остальных информантов).

upravl'at' в предложении *tam upravl'ajetsa zb'ožja* 'там выращиваются хлеба' надо воспринимать не как семантическую синонимическую кальку, а как ассимилированное заимствование, ибо в исследуемом говоре *upravl'at*' функционирует только в одном значении 'выращивать, возводить'. По таким же причинам семантические кальки практически не выступают в языке M1925.

Интересным является вопрос фразеологического калькирования в старообрядческом диалекте, т. е. новых фразеологизмов, возникших путем замены иноязычных элементов их семантическими эквивалентами, существующими в языке-реципиенте (Обага 1989а, 203). Кальки фразеологических конструкций, по сравнению с заимствованиями и другими кальками, появляются относительно редко, к тому же около 80% из них зарегистрированы у 4 информантов²³. Русские фразеологизмы редко используются представителями описываемой группы, вследствие чего можно предположить, что в настоящее время фразеология говора – польская, и появляется у немногочисленных информантов. Диалект польских старообрядцев не обладает ни высоким стилем, ни письменным вариантом, так как в рамках многолетней диглоссии он ограничивался домашней и соседской сферой жизни и повседневной тематикой, где нужно лишь просторечие и постоянные, небольшие лексические ресурсы. Этот уровень функционирования языка соответствует ограниченному коду (*restricted code*) в теории языковых кодов Б. Бернштейна (Bernstein 1980, 96-100). В ограниченном коде можно предвидеть лексический и синтаксический состав высказывания, а говорящий отстаивает свою точку зрения при помощи эмоциональных аргументов. Его перспектива партикулярна и относит все определения к хорошо известной ему действительности (Там же). Ограниченному коду противоположен развитый код (*elaborated code*), где высказывания являются универсальными в своей перспективе, а в аргументации употребляются факты (Там же, 100-102). Большинство наших информантов чаще всего употребляет ограниченный код; их высказывания на диалекте – просты, полны упрощений, относящихся к конкретной реальности. Ситуация интервью заставляет информантов менять языковое поведение, к которому они привыкли, и применять развитый код – отсюда вытекает важное положение, уже подтвержденное в исследованиях: переход через границу ограниченного кода ведет к калькированию фразеологизмов (Ср. Глушковски 2006, 253). Развитый код стилистически, лексически и синтаксически богат, а если таких сложных форм не

²³ Включая случаи общие для 2-3 информантов.

хватает в структурных ресурсах говора, они заимствуются из польского языка. Информант М1925 старается использовать известные себе элементы развитого кода русского языка или остается на уровне ограниченного кода, и поэтому фразеологические кальки из польского языка у него не наблюдались.

Несмотря на многолетнюю изоляцию, языковое поведение и состояние говора М1925 не отличается во многом от идиолектов его сверстников, живущих в старообрядческих деревнях Габове Гронды и Бур, в то время как у проживающих вне общины старообрядцев в среднем возрасте уровень владения диалектом быстро снижается (Ср. Гжибовский, Глушковский 2008, 207-208). Представители описываемой группы, которые после окончания учебы остаются в местностях, где нет других старообрядцев, часто вступают в смешанные браки и теряют контакт с традиционным диалектом в повседневной жизни. Информанту М1925 удалось сохранить высокий уровень владения русским говором по нескольким причинам. Во-первых, он обладает хорошей языковой памятью и исключительными языковыми способностями. На значимость личных интеллектуальных и эмоциональных факторов, способствующих развитию двуязычия, обращали внимание Л. Имедадзе и М. Топуридзе (1984, 5-6). Во-вторых, информант М1925 формировал свой идиолект в других условиях, чем люди, начинающие жизнь вне группы представителей меньшинства в 70-ые и 80-ые гг. XX в. Хотя М1925 воспитывался в деревне, в которой большинство составляли поляки, в процессе первичной социализации у него образовалось положительное отношение к языку, религии и традиции родителей. Время детства и молодости считается социологами и психологами развития самым главным периодом формирования личности (Ср. Berger, Luckmann 1983, 204; Erikson 2004, 48; Piaget 1966, 14-76 и др.). В-третьих, М1925, как многоязычный индивид, практически всю жизнь функционировал в рамках стабильной диглосии: дома, с членами семьи он употреблял русский говор, а на работе, а также в контактах с польскими соседями и администрацией, употреблял польский язык. Последние годы, проведенные в уединении, только с редкими возможностями разговоров на традиционном диалекте, не были в состоянии изменить долго формировавшийся идиолект. Очередные систематические визиты исследователей подтверждают, что его компетенции в области русского говора является стабильной.

The functioning of Russian dialect island in Polish language-surroundings. On the example of an isolated idiolect of an Old Believer living outside the community.

Key words: Old Believers, bilingualism, diglossia, interference, idiolect, minority language, Russian, Polish, language island

Summary

Russian Old Believers came to the Commonwealth of Poland and Lithuania in the end of the 17th century. Their geopolitical, social and economical situation was constantly and continuously changing affecting their language – Northern Russian dialect. During first two ages of their migration, their settlements were under Russian dominance and they had still contact with Russian- and Belarusian-speaking population as well as with their coreligionists from the Russian Empire. Some of them knew Polish language but the mass bilingualism of this community began in the second decade of the 20th century, when Poland regained independence. More intensive contacts with Poles, Polish administration, and especially education caused growing influence of Polish language on Russian dialect. However, the Old Believers were living in closed, mainly rural communities, which secured an equilibrium between the traditional dialect and the language of the majority in the frames of diglossia. After the Second World War the Old Believer population in Poland diminished and constitutes approx. 800 people. On the example of an isolated idiolect of an older man living alone in a small village, the article describes interference phenomena in his speech, and compares his language situation to the Old Believers living in a homogenous community. Linguistic phenomena are being contrasted with the biography of the informant and his social situation; the examples of interference are connected with their socio- and psycholinguistic background.

Библиография

- Барановский В., Поташенко Г. 2005. *Староверие Балтии и Польши*. Вильнюс.
- Гжибовски С. 2007. Гибридизация русского говора старообрядцев под влиянием польского языка (Габова Гронды и Бур), текст доклада на Международной конференции „Język. Kultura. Literatura. Z polsko-wschodniosłowiańskich kontaktów. (XII Międzynarodowa Konferencja Słowistyczna)”, Ольштын (23.06.2007).
- Гжибовски С. 2008. *Модификация говора старообрядцев в Польше под влиянием польского языка (д. Габовы Гронды и Бур)*, текст доклада на семинаре Славянской филологии Университета в Ольденбурге (28.11.2008).
- Гжибовский С., Глушковский М. 2008. Социолингвистическая ситуация старообрядцев в деревнях Габова Гронды и Бур. In: Касаткин Л. Л. (ed.) *Русские старообрядцы. Язык. Культура. История. Сборник статей к Международному съезду славистов*. Москва, 200-214.
- Глушковски М. 2006. Язык молодого поколения старообрядцев деревень Габова Гронды и Бур. *Slavia Orientalis* 2/2006, 239-59.
- Даль 2003. *Толковый словарь живого великорусского языка*. CD ROM. Петербург.
- Дуличенко А. 1998. Языки малых этнических групп: статус, развитие, проблемы выживания. In: Дуличенко А. (ed.). *Языки малые и большие... In memoriam acad. Nikita L. Tolstoj. Slavica Tartuensia* IV. Tartu, 26-36.
- Имедадзе Н., Топуридзе Л. 1984. О некоторых личностных факторах овладения вторым языком. In: Залевская А. А., Горепов Н. Н., Ключанов И. Э., Наумова Т. Н., Травкина А. Д. (eds.). *Психологические и лингвистические аспекты языковых контактов*. Калинин, 4-13.
- Сегень Б. 2001. *Прыназоўнік у сістэме адной усходнеславянскай гаворкі Беласточчыны*, Беласток.
- Хауген Э. 1972. Языковой контакт, *Новое в лингвистике* Вып. 6/1972 (*Языковые контакты*). Москва, 61-80.
- Bakker P. 2003. Mixed languages as autonomous systems. In: Matras Y., Bakker P. (eds.). *The mixed language debate*. Berlin, 107-150.
- Berger P., Luckmann T. 1983. *Spółeczne tworzenie rzeczywistości*. Warszawa.

- Bernstein, B. 1980 (1972), Socjolingwistyka a społeczne problemy kształcenia. In: Głowiński M. (ed.). *Język i społeczeństwo*. Warszawa, 83-119.
- Erikson E. H. 2004. *Tożsamość a cykl życia*. Poznań.
- Ferguson Ch. A. 1959. Diglossia. *Word* No. 15/1959, 325-340.
- Fishman 1971. The Sociology of Language. In: Fishman J. (ed.) *Advances in the Sociology of Language*, Vol.1. The Hague, 217-404.
- Fishman J. 1972 (1971). The Sociology of Language. In: Dil A. S. (ed.). *Language in Sociocultural Change*. Stanford, 1-15.
- Grek-Pabisowa I. 1999a (1983). Typy zapożyczeń i sposoby przyswajania wyrazów polskich. In: Grek-Pabisowa I. *Staroobrzędowcy. Szkice z historii, języka, obyczajów*. Warszawa, 211-227.
- Grek-Pabisowa I. 1999b (1984). Próba określenia wspólnych cech rozwoju gwar rosyjskich w otoczeniu obcojęzycznym. In: Grek-Pabisowa I. *Staroobrzędowcy. Szkice z historii, języka, obyczajów*. Warszawa, 69-79.
- Gumperz J. 1977. The Sociolinguistic Significance of Conversational Code-Switching, *RELC Journal*. 1977/8: 2, 1-34.
- Iwaniec E. 1977. *Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich XVII-XX w.* Warszawa.
- Miodunka W. 2003. *Bilingwizm polsko-portugalski w Brazylii. W stronę lingwistyki humanistycznej*. Kraków.
- Muysken P. 2000. *Bilingual speech : a typology of code mixing*. Cambridge.
- Myers-Scotton C. 2006. *Multiple Voices: an Introduction to Bilingualism*. Malden.
- Obara J. 1989a. Kalki jako jeden z przejawów interferencji językowej, In: Warchoń S. (ed.). *Interferencje językowe na różnych obszarach słowiańszczyzny*. Lublin, 185-210.
- Obara J. 1989b. *Teoretyczne problemy kalkowania*. Wrocław.
- Paśko D. 2008. *Funkcjonowanie rosyjskiej gwary staroobrzędowców z Gabowych Grądów i Boru w warunkach dwujęzyczności polsko-rosyjskiej* (не опубликованная кандидатская диссертация). Toruń.
- Piaget J. 1966. *Studia z psychologii dziecka*. Warszawa.
- Thomason S. G. 2003. Social factors and linguistic processes in the emergence of stable mixed languages. In: Matras Y., Bakker P. (eds.). *The mixed language debate*. Berlin, 21-40.
- Zielińska A. 1996. *Wielojęzyczność staroobrzędowców mieszkających w Polsce*. Warszawa.